

Лилия Подгайская

РАЗНОЦВЕТНЫЕ ГРАНИ ЖИЗНИ

Сборник рассказов

Часть 1. Нелегко быть молодым

Голубь — не птица

В пятом классе шёл урок биологии. За окном ярко светило весеннее солнышко, но строгая и даже чопорная Елизавета Анатольевна, учительница, была выше этого. Ну и пусть появившееся не так давно после хмурых дней солнце обманчиво сверкает, пусть свежий ветерок приносит откуда-то издалека будоражащие душу запахи, пусть глупые птицы заливисто щебечут о радостях любви, она не поддастся на эту коварную уловку природы. Вот уж нет! Она женщина грамотная, определённо относится к биологическому виду *Homo sapiens*, иначе говоря, человек разумный, и обмануть себя не позволит. Она хорошо знает, на собственном жизненном опыте убедилась — всей это красоте верить нельзя. Весна поманит-поманит, разнежит, расслабит, а следом жаркое лето испепелит все надежды, и потом холодная осень накроет всё нескончаемой пеленой дождя. И что впереди? Только мороз и снежные метели, гипертонические

кризы и постоянные тянущие боли в правом подреберье? Нет уж! Её этими улыбками весны не задобришь. Стреляного воробья на мякине не проведёшь.

Кстати о птицах. Это как раз тема сегодняшнего занятия.

Елизавета Анатольевна поднялась из-за стола, расправила плечи и привела в порядок свою и без того безупречную осанку — нельзя ведь перед детьми свои, пусть и минутные, колебания показывать, они должны видеть учителя всегда сильным и негибачаемым. Ведь само слово «учитель» просто до самых краёв переполнено гордостью. «Да, было когда-то благословенное время, когда учителю внимали, ловили каждое слово, да оно кануло в Лету, — пронеслось в голове у женщины. — Этих же, слишком умных и самостоятельных, так просто слушать не заставишь».

Она незаметно вздохнула. Чувства — это тоже то, чего ученики видеть не должны. Учитель выше каких-то там чувств. Он — кладёзь знаний.

Женщина величественно повела головой, на которой не слишком густые волосы лежали в строгом порядке, один к одному и были собраны в изящный узел на затылке.

— Сегодня, дети, мы будем говорить о птицах, — начала она.

Голос звучал уверенно и красиво. Её голос, несомненно, мог быть, и был предметом гордости для Елизаветы Анатольевны. Ведь для учителя так важно красиво говорить.

— Давайте вспомним, каких птиц мы видим вокруг себя в нашем городе, — предложила учительница, и дети загомонили.

Названия посыпались как горох из перезревшего и громко взорвавшегося стручка: воробьи, синицы, грачи, вороны, галки, голуби и даже сороки. Их ведь теперь тоже много развелось возле наших городских жилищ.

— Голубь — не птица, — раздался вдруг звонкий девчоночий голос.

Все обернулись к третьей парте ближнего к окну ряда. Ну конечно, это Санька Соколовская, она всегда что-нибудь интересное выдаст.

Елизавета Анатольевна изменилась в лице и ещё больше выпрямила спину, хоть это и казалось уже невозможным.

— Что ты говоришь, Соколовская, одумайся, — строго проговорила она, не забывая следить, чтобы голос по-прежнему звучал красиво, и в нём, боже упаси, не прорвались визгливые бабьи нотки.

— Голубь — не птица, — упрямо повторила девочка, — это летающая курица. Так мой папа говорит, а он знает всё.

Елизавета Анатольевна застыла в позе соляного столба и прямо задохнулась от возмущения. Во-первых, знать всё может только учитель. А во-вторых...

Но тут в классе поднялся такой шум, что она опешила. Кто-то кричал, кто-то смеялся, а кто-то нагло стучал ногами от удовольствия.

— Тихо! — во всю мощь своих лёгких закричала учительница и с ужасом услышала, как её голос сорвался на визг.

Этого унижения женщина стерпеть уже не могла. Пулей вылетев из класса, она походила минут десять по коридору, успокаивая и приводя в порядок растрепавшиеся чувства, и отправилась в кабинет директора. Анна Евдокимовна правильная женщина, она поймёт всё и сумеет поставить на место эту строптивую девчонку и её слишком умного папу.

Вечером за ужином Саня долго мялась, не решаясь передать отцу строгое приглашение от Анны Евдокимовны.

— У тебя что-то не так, Сашка? — догадался мужчина.

Саня ещё чуть помялась и выдала:

— Тебя вызывают в школу. К директору. Завтра.

— И что на этот раз? — не дрогнув, поинтересовался отец.

Он знал, что его дочь растёт самобытным ребёнком и не всегда вписывается в привычно очерченные обществом рамки. Нет-нет, ничего, нарушающего покой и порядок, о таком даже речь не идёт. Просто его девочка мыслит шире и свободнее, чем многие её сверстники и не готова повторять слова других, которые часто слышит от окружающих, если сама не уверена в этом. И ей не всегда нравится то, чем восхищаются подружки. Потому её и называют иногда странной. Белая ворона, как говорится.

Иван Сергеевич вздохнул. В этом дочь повторяет его. А он в своей жизни тумачков набил без счёта. И очень хотелось бы, чтобы его девочке удалось избежать особенно болезненных ударов. Хотя жизнь её лёгкой не будет, это понятно уже сейчас. И всё же мужчина не жалел, что дочь пошла в него, а не в мать. Жена хорошая женщина, добрая, отзывчивая, хозяйственная. Но — Бог ты мой! — как же с ней оказалось скучно жить рядом, когда отгорели последние всполохи любовной горячки. Для жены главное, чтобы всё было, как у всех — слова, поступки, одежда и даже обстановка в доме. И то, что говорят по телевизору, для неё истина в последней инстанции.

И всё же он должен помочь своей девочке. Должен научить её избегать острых углов и болезненных синяков.

— Так что ты натворила на этот раз, Сашка? — повторил он свой вопрос.

Девочка ещё немного помялась.

— Я сказала учительнице биологии, что голубь не птица, а летающая курица, — призналась она, — и получилось так, что я сорвала урок.

Мать громко ахнула и схватилась за то место, где у человека сердце. Отец взглянул с удивлением. А Саня вдруг ринулась в атаку, защищая себя, поскольку никто больше этого делать не собирался, как она поняла.

— Ты сам так говорил, папа, я своими ушами слышала, — затараторила она. — Ты говорил маме, чтобы она не кормила этих разъевшихся голубей, особенно летом, когда еды для птиц вокруг навалом. А эти летающие курицы совсем разучились работать и только и умеют, что побираться возле мусорки. От любого воробья пользы больше, чем от голубя. Это твои слова, папа.

Иван Сергеевич всё понял и поморщился в душе. Уже не в первый раз наступает он на одни и те же грабли — забывает, что дети имеют на удивление длинные уши и внимательно вслушиваются в слова родителей, даже когда находятся на расстоянии и кажутся увлечёнными своими делами. Они даже выражение лица и жесты родителей повторяют. И он не склонен считать, что

это генетически передаётся по коду. Не до такой же степени. Дети просто очень наблюдательны и впитывают как губка полученные от родителей впечатления. Ему как-то пришлось даже читать об истории, когда один очень умный детектив вывел на чистую воду преступника, понаблюдав внимательно за его маленьким сыном.

Но делать нечего, свои ошибки нужно исправлять. А ради блага собственного ребёнка можно и себя не жалеть.

— Да, Сашка, я говорил такое, помню, — согласился мужчина, уведя дочь в гостиную и удобно устроившись с ней на диване. — Но ты ведь уже большая девочка и должна понимать, что слова могут быть прямыми и иносказательными.

— Это как? — оживилась любознательная девочка.

— Очень просто, детка, — принялся объяснять отец. — Формально, то есть по внешним признакам и по научной классификации голуби, несомненно, относятся к классу птиц. У них есть крылья, хвост, клюв, две лапки, их тела прокрыты перьями. Но по сути своей, во всяком случае, наши городские голуби, которых мы видим каждый день во дворе, птицами в полном смысле слова быть перестали. Они не отлавливают насекомых на лету, как ласточки, не выклёвывают вредителей из коры дерева, как дятлы, и даже не отыскивают гусениц в

зелёных зарослях, как воробьи. Они просто превратились в побирушек.

Иван Сергеевич внимательно посмотрел на дочь — понимает ли девочка то, что он хочет объяснить ей? Саня смотрела на него очень серьёзно, на чистом лбу даже морщинки попробовали зашевелиться. Девочка думала.

— И теперь эти птицы ни на что практически не годны, — продолжил он. — Они отяжелели и даже в воздух поднимаются с натугой, громко хлопая крыльями, как горластый петух, взлетающий на забор. И пользы от них природе нет никакой. Это я и хотел втолковать твоей матери. Вот и всё.

Девочка подумала ещё немного.

— Значит, я сказала неправильно, папа? — спросила. — И получается, я виновата в том, что сорвала урок? Да?

— Получается так, дочка, — согласился Иван Сергеевич.

А про себя подумал, что будь учительница умной женщиной, легко перевела бы спор в нужное русло и не позволила бы сорвать урок.

— И ещё хочу сказать тебе, Сашка, что сами птицы под названием голуби в своей беде виноваты меньше всего. Такими их сделали люди своей бестолковой добротой.

Девочка вновь подняла голову, глаза её

загорелись любопытством.

— Видишь ли, дочка, доброта человеческая тоже бывает разная. Благодушная доброта — это, по сути, потакание себе и самолюбование. А вот деятельная доброта уже совсем другое дело. Она требует от человека усилий, действий. И ещё одно важно — доброта не должна быть бездумной. Чтобы быть добротой настоящей, она должна строиться на разумных посылах. Человек, проявляющий доброту к кому бы то ни было — другому человеку, животному, птице, — должен отдавать себе отчёт, к чему приведут его действия. Понимаешь меня?

Мужчина взгляделся в лицо дочери. Она, по всем признакам, его понимала.

— Рассмотрим это на нашем примере — на птицах, — продолжил он. — Одно дело сделать скворечник и повесить его на дереве, чтобы птицы могли выводить своё потомство, не опасаясь врагов. Или в морозную зиму закрепить кормушку на ветке, не забывая подсыпать туда семечек для синиц и воробьёв. Это хорошая доброта, деятельная и разумная. И совсем другое выбрасывать бездумно хлеб возле мусорок голубям детом. Зачем? Здесь нет ни доброты, ни логики.

Мужчина задумчиво помолчал.

— Вот так, дочка, — подвёл он итог неожиданному разговору, оказавшемуся очень

серьёзным. — Надеюсь, ты поняла меня правильно.

Девочка энергично закивала головой.

— Я поняла тебя, папа, — ответила очень серьёзно, — и знаю теперь, что поступила неправильно.

Она слегка поморщилась, но решительно продолжила:

— И я извинюсь перед Елизаветой Анатольевной, папа. Она мне совсем не нравится, и её многие в классе не любят. Но я так поняла, что это сделать нужно.

Иван Сергеевич наконец улыбнулся.

— Ты всё правильно поняла, малышка моя, и я горжусь тобой.

И мужчина ласково обнял худенькие плечики девочки, прижимая её к своей груди. А Саня блаженно замерла. Ей было так хорошо в кольце сильных рук отца, глядя на которого она строила свою жизнь.

К директору школы Иван Сергеевич, конечно же, сходил, и они хорошо поняли друг друга. Анна Евдокимовна была человеком старой закалки и умела видеть людей в истинном свете. Перед учительницей биологии Саня Соколовская извинилась при всём классе, и травмированное самолюбие Елизаветы Анатольевны получило целительный бальзам на рану. А отцовское беспокойство Ивана Сергеевича только возросло.